

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 3 (47). С. 239–243

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 3 (47), pp. 239–243

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-239-243>, EDN: IQNSUN

Научная статья

УДК 811.521'27'38

Письменные и устные жанры в японском языке: способы интерпретации информации и вежливость

В. М. Алпатов

Институт языкознания РАН, Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1

Алпатов Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, академик РАН, главный научный сотрудник, заведующий центром социалингвистики, v-alpatov@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

Аннотация. Рассчитанные на письменное восприятие тексты по-японски строятся существенно не так, как устные. Сложный характер японского письма (китайские иероглифы и две азбуки: хирагана и катакана, к которым сейчас ещё добавилась латиница) приводит к тому, что письменные и устные жанры здесь имеют значительные особенности, рассматриваемые в статье. Письменные и устные тексты различаются не только каналом связи, но и многими другими параметрами. Показано использование в разных жанрах форм вежливости (кэйго): например, научный доклад в печатном или рукописном виде не требует обязательного употребления этих форм по отношению к читателю или к цитируемому учёному, но если с этим докладом выступают, то они необходимы. Обсуждаются различия, связанные с линейным восприятием устной речи и нелинейным восприятием письменного текста: письменные японские тексты строятся так, чтобы читатель, в первую очередь, воспринимал их не побуквенно, а сразу выделял наиболее значимые иероглифы. Освоение японской письменности требует дополнительных усилий, но знание иероглифов это компенсирует. В устных текстах остро стоит проблема снятия омонимии. В письменных текстах возможны дополнительные средства выразительности, невозможные в устной речи.

Ключевые слова: письменный вариант языка, устный вариант языка, японский язык, иероглиф, катакана и хирагана, фуригана, вежливость (кэйго)

Для цитирования: Алпатов В. М. Письменные и устные жанры в японском языке: способы интерпретации информации и вежливость // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 3 (47). С. 239–243. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-239-243>, EDN: IQNSUN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Written and oral genres in the Japanese language: Ways of interpreting information and politeness

V. M. Alpatov

Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, 1 Bol'shoi Kislovskiy per., Moscow 125009, Russia

Vladimir M. Alpatov, v-alpatov@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

Abstract. Texts in Japanese intended for written perception are constructed significantly differently from oral ones. The complex nature of Japanese writing (Chinese characters and two alphabets: hiragana and katakana, to which the Latin alphabet has now been added) leads to the fact that written and oral genres here have significant features, which are considered in the article. Written and oral texts differ not only in the communication channel, but also in many other parameters. The use of politeness forms (keigo) in different genres is shown: for example, a scientific report in printed or handwritten form does not require the obligatory use of these forms in relation to the reader or to the scientist being cited, but if this report is presented, then they are necessary. The differences between the linear perception of oral speech and the nonlinear perception of written text are discussed: written Japanese texts are constructed so that the reader, first of all, perceives them not letter by letter, but immediately identifies the most significant hieroglyphs. Mastering Japanese writing requires

additional effort, but knowledge of hieroglyphs compensates for this. In oral texts, the problem of removing homonymy is acute. In written texts, additional means of expression are possible that are impossible in oral speech.

Keywords: written version of the language, oral version of the language, Japanese language, hieroglyph, katakana and hiragana, furigana, politeness (keigo)

For citation: Alpatov V. M. Written and oral genres in the Japanese language: Ways of interpreting information and politeness. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 3 (47), pp. 239–243 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-239-243>, EDN: IQNSUN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Очень часто в лингвистике предполагается, что разговорные тексты должны иметь устную реализацию, а книжные – письменную. Два противопоставления постоянно смешиваются. Например, в книге [1] противопоставляются то «разговорная речь» и «строгая письменная речь», то «письменный стиль речи», и «разговорный литературный язык», то «письменная разновидность литературного языка» и «разговорная речь», то «письменная речь» и «нейтрально-литературная речь». Однако М. В. Панов указывал: «Разговорный стиль чаще всего воплощается в устной речи, хотя не только в ней), а книжный – в письменной речи (однако не всегда именно в ней)» [2: 151]. Также часто нестрого выделяются речь, язык и стиль.

Постоянно смешиваются несколько противопоставлений. Во-первых, это противопоставление устного и письменного каналов речи. Во-вторых, это противопоставление заранее подготовленной и спонтанной речи. В-третьих, это противопоставление диалогической и монологической речи. В-четвёртых, это собственно противопоставление книжного и разговорной речи, которое трудно строго определить, но оно интуитивно ощущается носителями языка.

Далее, несколько идеализируя ситуацию, мы будем говорить лишь о противопоставлении устного и письменного вариантов языка, а также о противопоставлении книжного и разговорного его вариантов. Обычно внимание обращается на второе противопоставление, а первое игнорируется. Однако в современном мире нередки различия, связанные именно с каналом связи. Особенно резкие различия имеют место в языках, использующих иероглифику, в том числе в японском.

Однако и в русском языке различия нередки. Например, инициалы свободно употребляются не только в книжных, но и в любых письменных текстах, зато для устных текстов, включая и книжные, они не подходят. Кавычки на письме имеют несколько функций, но в устной речи можно лишь в крайних случаях говорить *в кавычках* или *так называемый*. И редко фиксируемое различие: в диалоге

редки очень длинные периоды речи одного из говорящих, обычно в некоторых местах в них вставляются короткие реплики собеседника (*да, ну* и т. д.).

Я подробнее рассмотрю различия в японском языке, где они особенно бросаются в глаза. Многие из них связаны со сложным характером японской письменности: в течение многих веков используются китайские иероглифы и две азбуки: хирагана и катакана, а сейчас ещё добавилось латинское письмо. Кроме того, многие из иероглифов могут читаться по-разному. В японском языке у большинства иероглифов есть как минимум два чтения: «китайское» (*он*), когда-то заимствованное из Китая вместе с иероглифом, и японское (*кун*), соответствующее по значению. Онные чтения чаще употребляются в составе сложных слов, а кунные чтения – в сочетаниях с грамматическими элементами. Многие слова из китайского слоя лексики не представляют трудностей для восприятия при иероглифической записи, но из-за значительной омофонии не воспринимаются на слух. Как пишет видный японский лингвист, японский язык хорошо приспособлен к телевидению и плохо к радио [3: 132].

Приведу некоторые примеры. Вот перед нами плакат, где повторяется иероглиф со значением *лес*, который имеет несколько стандартных чтений и выбор неясен, однако выбирать и не нужно: речь идёт о чём-то, связанном с лесом. В данном случае это приглашение участвовать в *дне леса*. А вот пример, который с моей наводки попал даже в книгу известного математика В. А. Успенского [4: 562–563]. В объявлении в токийской электричке весь текст состоял из иероглифа со значением *брак, свадьба*, последовательности из трёх знаков катаканы, читающихся *лю:та*, и номера телефона. Так как иероглиф имеет чтение *кон*, то в сочетании с катаканой получается *конлю:та*. Значение очевидно: рекламируется агентство по компьютерному подбору брачных пар. Компактность передачи очевидна, и устно сохранить её невозможно.

Сейчас уже достаточно известно существование в японском языке развитой системы

так называемых форм вежливости (*кэйго*), которые точнее назвать формами этикета. Научный доклад в печатном или рукописном виде не требует обязательного употребления этих форм по отношению к читателю или к цитируемому учёному: оно иногда встречается, но скорее как чья-то индивидуальная особенность. Однако если с этим докладом выступают, то необходим этикет и по отношению к присутствующим, и по отношению к уважаемым учёным, если они упоминаются (*Профессор N говорит*).

А вот телепередача из парламента. В устном тексте здесь, например, в парламентских дебатах, речь произносится быстро и её трудно воспринять, поэтому они, помимо трансляции, передаются бегущей строкой, но формы этикета (*кэйго*), обязательно имеющиеся в речах, в бегущей строке опускаются ввиду низкой информативности. И это вполне допустимо. Нет нарушения этикета.

В устной речи в начале диалога положено использовать средства установления контакта с собеседником (фатическая функция языка, по Р. Якобсону), это могут быть и полнозначные слова, и междометия или частицы. На письме универсальным средством, если не требуется очень большая вежливость, является слово *zenkyaku* (буквально *предыдущее опускаю*), после которого пишущий сразу переходит к делу. Когда я писал эту статью, ко мне пришло новогоднее письмо японского профессора, где после обращения следовало это слово, не употребляющееся в устной речи.

Всё более значительную роль в письменной японской речи играет латиница. Часто она употребляется наряду с катаканой, имея особое стилистическое значение «высшего класса» [3: 131; 5: 90], но бывает, что употребление латиницы оказывается обязательным. Фамилия иностранца может писаться катаканой, но имя принято писать латиницей. Только латиницей пишут некоторые аббревиатуры, например, ОК, NHK (название ведущей телекомпании), а сейчас и заголовки женских и молодёжных журналов.

Очень существенную роль в японской письменной речи играет так называемая фуригана. Параллельно основному слову или словосочетанию катаканой или хираганой (а теперь иногда и латиницей) пишется и некоторое другое. Если текст написан вертикально (как это традиционно принято в Японии), то другое слово или словосочетание пишется справа, если текст горизонтален (что в Японии уже часто бывает под западным влиянием), то пишется сверху. У фуриганы несколько функций. Она может указывать, как читать основной текст; это особенно важно, если иероглиф недостаточно известен, но, например, в комик-

сах фуригана может быть приписана чуть ли ни к любому иероглифу. В журналах для девушек она к тому же выступает в виде катаканы даже там, где принята хирагана: катаканой пишутся заимствования из английского языка, и создаётся эффект престижности. Но фуриганой также может записываться синоним слова, записанного иероглифами, или слово, близкое, но не совпадающее по значению. Например, в титрах французского фильма иероглифами написано *бэйдзин* (американец), *моногатари* (повесть, роман), а фуриганой – *амэрикэн*, *роман*. На вывеске родильного дома иероглифами написано *фудзин* (*женщина, женщины*), а катаканой *ladies*. Ещё в одном месте было написано иероглифами *бэндзё* (*уборная*, сейчас не очень вежливо), а сбоку сразу два варианта: *toire* (*туалет*) и *отэараи* (*место для мытья рук*): значение одинаково, но каждое последующее слово вежливее предыдущего. В художественной литературе фуригана может создавать те или иные образы.

Во время языковых реформ после Второй мировой войны было решено отменить фуригану, которая затрудняла полиграфию, особенно в случае горизонтального набора. Однако японцы привыкли к фуригане, при сложной японской письменности очень облегчающей понимание. На деле фуригана никогда не исчезала из употребления, и её отмена была аннулирована. Но в устном варианте языка её не может быть.

Конечно, фуригана – очень специфичное для японского языка явление, и всё же мне в Москве на русском языке попался такой пример. Во время эпидемии гриппа на входной двери в поликлинику появилось объявление, требовавшее больным с температурой проходить в здание не здесь, а через другой вход. Был написан известный знак температуры, а над ним более мелкими буквами было подписано *температурой*. Чем не фуригана?

И многие различия связаны с линейным восприятием устной речи и нелинейным восприятием письменного текста. Академик Н. И. Конрад писал японскому коллеге, приславшему для него книги: «Когда я бегло просматривал эти книги, переворачивая одну страницу за другой, у меня возникло ощущение, будто я погружаюсь в мир каких-то понятий. Так как я только перелистывал книгу, а не читал ее, что в ней говорится, я уловить не мог, но о чем говорится, для себя книгу, это – о чем в ней написано; получается, что наличие иероглифов дает на это быстрый и точный ответ при одном взгляде. При европейской системе письма мы должны были бы прочитать весь текст или по крайней мере отдельное слово все полностью. При япон-

ской же системе письма первая, начальная информация получается наиболее быстрым и экономичным путем через одни иероглифы» [6: 493–494].

Письменные японские тексты строятся так, чтобы читатель, в первую очередь, воспринимал их не побуквенно, а сразу выделял наиболее значимые иероглифы (что и отмечал Н. И. Конрад). Особенно это важно в рекламе и заголовках. Здесь текст сокращается до его иероглифической части с добавлением по необходимости лишь катаканы, которой пишутся заимствования из западных языков; пишущиеся хираганой грамматические элементы чаще всего опускаются, предложение становится назывным. Сразу должны восприниматься «ударные» иероглифы. Компактность максимальна. Например, японский аналог русской фразы *Во дворе злая собака* – это иероглиф, обозначающий собаку.

Компактность также достигается за счёт изменения грамматической структуры. Вот мы имеем два равнозначных предложения (грамматически оформленное и назывное): *кэйо:-дайгаку о соцугё:-симасита и кэйдайсоцу*. Их значение *окончил университет Кэйо*. Второе предложение образовано из первых иероглифов сложных слов первого предложения. Для человека, владеющего иероглификой (а таких большинство), оно легко узнаётся, но оно абсолютно не понятно на слух. Его озвученным вариантом будет первое предложение. Отмечу и то, что во втором, назывном предложении никак не выражается вежливость, а в первом, полном предложении она необходима. Выделение «ударных» иероглифов важно также при дефиците времени, например, на телеэкране. Компактность создаётся целенаправленно, с целью создания тех или иных стереотипов у читающего. «Стереотип превращается в одно слитное понятие, обладающее, подобно сжатой пружине, большой энергией» [7: 121–122]. Это важно в любой пропаганде, в том числе в рекламе.

Может быть так, что явление, встречающееся во многих, если не во всех языках, в японском языке особенно бросается в глаза. Выше упоминались короткие реплики-реакции в диалоге внутри речи собеседника; в Японии их называют *айдзутти* (буквально *дружные молоты*), существует литература, им посвящённая. Такие реплики предлагают собеседнику продолжать говорить, отмечено, что они встречаются много чаще, чем в английском, японском и, видимо, русском языке. С этим связано несовпадение в значении между *да* или *yes*, с одной стороны, и японским *хай*, с другой: в ответе на вопрос *хай* значит *да*, но в диалоге он значит: *я Вас понимаю, продолжайте*, что часто ведёт к ошибкам.

Итак, рассчитанные на письменное восприятие тексты по-японски строятся существенно не так, как устные. Конечно, освоение японской письменности требует дополнительных усилий, но знание иероглифов это компенсирует.

По данным вопросам см. также мою публикацию [8].

Письменный и устный варианты языка тесно связаны с речевыми жанрами. Фуригана или сезонные приветствия [9] возможны лишь на письме, а «дружные молоты» лишь в устной речи. Но и там, где жанр возможен и там, и там, всегда имеются значительные особенности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Граудина Л. К., Ицкович В. А., Калакуцкая Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М. : Наука, 1976. 458 с.
2. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку : в 2 т. Т. 2. М. : Языки славянской культуры, 2007. 848 с.
3. Судзуки Такао. Гэнго-кансё-кара мита кокусай-эйго, нихонгоно эйгока, эйгоно-нихонгока (Международный английский язык с точки зрения языкового вмешательства, англизация японского языка и японизация английского языка) // Кэйё:-дайгаку-гэнго-бунгаку-кэнкю:-. дзё:-киё: (Записки НИИ языка и литературы при университете Кэйё), 15. Токио, 1987. С. 15–32.
4. Успенский В. А. Труды по математике : в 2 кн. Кн. 3. М. : Объединенное гуманитарное издательство. Фонд «Математические этюды», 2013. 711 с.
5. Танака Акио. Нихонгоно накана катакана-эйго (Катаканый английский внутри японского языка) // Гэнго-сэйкацу (Языковое существование). 1984. № 8. С. 28–44.
6. Конрад Н. И. Запад и Восток. Изд. 2-е. М. : Наука, 1972. 496 с.
7. Чугров С. В. Стереотипы в общественном сознании Японии // Япония: культура и общество в эпоху НТР. М. : Восточная литература, 1985. С. 112–128.
8. Алпатов В. М. О двух разновидностях устного и письменного вариантов современного японского литературного языка // Устные формы литературного языка. История и современность. М. : Эдиториал УРСС, 1999. С. 166–182.
9. Алпатов В. М. Жанр сезонных приветствий в японской культуре // Жанры речи. 2024. № 3 (43). С. 233–236. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-233-236>, EDN: FTNUCE

REFERENCES

1. Graudina L. K., Itskovich V. A., Kalakutskaya L. P. *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoy rechi. Opyt chastotno-stilisticheskogo slovary variantov* [Grammatical correctness of Russian speech. An attempt at a frequency-stylistic dictionary of variants]. Moscow, Nauka, 1976. 458 p. (in Russian).
2. Panov M. V. *Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku: v 2 t. T. 2* [Works on general linguistics

and the Russian language: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Languages of Slavic Culture, 2007. 848 p. (in Russian).

3. Suzuki Takao. Gengo-kansho-kara mita kokusai-eigo, nihongono eigoka, eigono-nihongoka [International English from the Point of View of Language Interference, Anglicization of Japanese, and Japanization of English]. *Keiyo-daigaku-gengo-bungaku-kenkyu:-. jo:-kiyo:* [Notes of the Research Institute of Language and Literature at Keiyo University]. 15. Tokyo, 1987, pp. 15–32. (in Japanese).

4. Uspensky V. A. *Trudy po nematematike: v 5 kn. Kn. 3* [Works on non-mathematics: in 5 books. Book 3]. Moscow, United Humanitarian Publishing House. Fund “Mathematical Etudes”, 2013. 711 p. (in Russian).

5. Tanaka Akio. Nihongono nakano katakana-eigo [Katakana English inside the Japanese language]. *Gengo-seikatsu* [Language Existence], 1984, no. 8, pp. 28–44. (in Japanese).

6. Konrad N. I. *Zapad i Vostok. Izd. 2* [West and East. Ed. 2nd]. Moscow, Nauka, 1972. 496 p. (in Russian).

7. Chugrov S. V. Stereotypes in the public consciousness of Japan. In: *Yaponiya: kul'tura i obshchestvo v epokhu NTR* [Japan: Culture and society in the era of the scientific and technological revolution]. Moscow, Vostochnaya literatura, 1985, pp. 112–128 (in Russian).

8. Alpatov V. M. On two varieties of oral and written variants of the modern Japanese literary language. In: *Ustnyye formy literaturnogo yazyka. Istoriya i sovremennost'* [Oral forms of the literary language. History and modernity]. Moscow, Editorial URSS, 1999, pp. 166–182 (in Russian).

9. Alpatov V. M. The genre of seasonal greetings in Japanese culture. *Speech Genres*, 2024, no. 3 (43), pp. 233–236 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-3-43-233-236>, EDN: FTNUCE

Поступила в редакцию 10.01.2025; одобрена после рецензирования 21.01.2025; принята к публикации 21.01.2025; опубликована 30.09.2025

The article was submitted 10.01.2025; approved after reviewing 21.01.2025; accepted for publication 21.01.2025; published 30.09.2025